

А. З. МАНФРЕД

МОЛОДОЙ РУССО

1

Когда произносят имя Жан Жака Руссо, нам обычно представляется убеленный сединой мятежный скиталец, отягощенный мировой славой, не представляющей для него никакой цены, аскет и отшельник, одинокий мечтатель, озабоченный завтрашим днем человечества и не имеющий в дне сегодняшнем ни крова над головой, ни друзей, которым мог бы довериться.

Зрительно чаще всего нам приходит на память образ Жан Жака таким, как его запечатлел Бернарден де Сен-Пьер — не кистью, конечно, а в литературном портрете, много раз переиздававшемся¹. Он встретился с тем, кого называл своим учителем, уже в последние годы жизни Руссо, незадолго до его смерти. То был еще подвижный, с быстрой походкой, очень худой, невысокого роста старик; одно плечо выше другого (вероятно, вследствие долголетней работы по переписке рукописей); изможденное, бледное лицо, изборожденное глубокими морщинами, высокий лоб, тоже весь в морщинах, и на этом болезненном старческом лице — большие, горящие огнем глаза.

Но ведь осталось в прошлом и такое время, когда не было ни морщин, ни славы; ничего не было; был только завтрашний день; все начиналось. Конечно же, молодой Руссо, полный жизненных сил, доверчивый, улыбающийся, был совсем не похож на беспокойно оглядывавшегося, ушедшего от людей отшельника — затравленного оленя, настороженно всматривающегося в окружающую со всех сторон темноту. Так что же произошло? Как свершилось это удивительное, как в сказке о заколдованным принце, превращение? Эти недоуменные вопросы можно продолжить. В реальной биографии Жан Жака Руссо все было еще сложнее.

Ведь этот уход из мира, это бегство от людей произошли не потому, что он был не понят или отвергнут современниками. Напротив; пожалуй, ни один французский писатель не пользовался при жизни такой широчайшей известностью; только один Вольтер мог бы оспорить у Руссо лавровый венец славы. Но и то надо признать, что для поколений молодых, для двадцатилетних, вступавших в жизнь, — властителем дум, Учителем с большой буквы, был не фернейский патриарх, а «наш Жан Жак», как с любовью, с беспредельным восхищением называли они автора «Общественного договора». Ни одно другое имя не было окружено уже в XVIII в. таким ореолом славы, как имя Руссо. Он был самым знаменитым писателем Франции, Европы, мира. Все, что сходило с его пера, немедленно издавалось и переиздавалось, переводилось на другие языки; его читали повсюду — в Париже и Петербурге, Лондоне и Флоренции, Мадриде и Гааге, Вене и Филадельфии². Все искали знакомства с этим прославленным

¹ B e r n a r d i n d e S a i n t - P i e r r e. *La vie et les ouvrages de J. J. Rousseau*. Paris, 1907 (лучшее издание под ред. M. Souriau).

² Полные собрания сочинений Руссо «Collection complète des œuvres de Jean Jacques Rousseau» с 1774 г. неоднократно издавались в Париже, Лионе, Женеве и других городах.

писателем: государственные деятели, ученые мужи, дамы высшего света. То была действительно не преходящая, быстро ускользающая, кратковременная слава, а все ширящаяся, прочная, высеченная из мрамора или отлитая из металла слава всемирного признания, и уже ничто не могло ее поколебать или убить.

А он пренебрег этой славой; она была ему ни к чему; он был погружен в свои невеселые мысли. «Мне опротивел дым литературной славы», — говорил он в конце жизни. Другие превращали славу в деньги, в поместья, дворянские титулы — достаточно вспомнить Бомарше, Вольтера. Для Руссо же ни деньги, ни поместья, ни титулы не имели цены; они ему были не нужны.

Так почему же Руссо вступил в конфликт с этим признавшим его обществом? Не следует ни преуменьшать, ни смягчать остроты конфликта. Можно ли забыть эти строки, записанные Руссо на оборотной стороне игральных карт в последний год жизни: «Они вырыли между мною и ими огромную пропасть, которую уж ничем нельзя ни заполнить, ни преодолеть, и я теперь, на весь остаток моей жизни, отдален от них так же, как мертвые от живых»³. А эти строки из последнего оставшегося недописанным произведения Руссо «Прогулки одинокого мечтателя» (его оборвала смерть): «И вот я один на земле, без брата, без близкого, без друга — без иного собеседника, кроме самого себя»⁴. Трагедия Робинзона на необитаемом острове? спросит иной читатель. Новый вариант коллизии, созданной Даниелем Дефо? Нет, трагедия одиночества Жан Жака возникла на земле, густо заселенной людьми; это люди обрекли его на одиночество⁵.

Но этим не исчерпываются труднообъяснимые парадоксы биографии Руссо. Как этот индивидуалист, анахорет, сторонившийся людей, укрывавшийся от них в потайных убежищах, стал в своей второй, посмертной жизни вождем и учителем народных масс, поднявшихся против феодального мира? Как совместить образ всегда одинокого, чурающегося людей скитальца, каким знал Руссо при его жизни, и роль идеального вождя великой революции той эпохи, непрекаемого авторитета партии революционного действия, самой смелой, самой решительной партии XVIII столетия — якобинцев? Это — противоречия, бьющие в глаза, лежащие на поверхности, очевидные для всех. Но есть и иные противоречия, связанные с творчеством Руссо, с его идеальным наследством; может быть, они менее заметны, но по существу заслуживают такого же внимания.

Руссо считают и, очевидно, с должным основанием родоначальником или, скажем осторожнее, одним из основоположников того направления в художественной литературе, которое принято именовать сентиментализмом. Но ведь Руссо, которому и в самом деле была присуща чрезмерная чувствительность и в творчестве, и в повседневной, будничной жизни, о чем он сам поведал на страницах «Исповеди», был в то же время писателем и мыслителем, вдохновлявшим суровых людей 93 года на беспримерные подвиги, неукротимую энергию действия. Общепризнанный глава и самый авторитетный представитель сентиментализма в литературе стал идеальным и духовным вождем партии революционной диктатуры, железной рукой ввергавшей в небытие всех противников, всех пытавшихся встать на ее пути⁶. Некоторые авторы были склонны даже драматизировать ситуацию. Так, Альбер Менье пытался, по контрасту, сопоставить образ Жан Жака, невинно срывающего в саду цветы, с палачом Самсоном, отрубающим головы жертвам гильотины⁷. Само это сопоставление насилиственно и тенденциозно, но противоречие очевидно.

Как совместить эти два столь разных начала? Но тут же, за ними, сама логика рассуждений закономерно подсказывает и другие недоуменные вопросы.

Ведь идеальное наследие Руссо — его мысли, заветы — стали политическими скрижалими не только для якобинцев, но и для дореволюционного Мирабо, а позже для

³ J. J. Rousseau. *Oeuvres complètes...* Présentation et notes de M. Launay, t. I, Paris, 1967, p. 499.

⁴ Ж. Ж. Руссо. Избранные сочинения в трех томах, т. II. М., 1961, стр. 571.

⁵ См. там же, стр. 575.

⁶ «Mémoires de Madame Roland». Publ. par C. I. Perrous, vol. I. Paris, 1905, p. 185; E. Champion. J. J. Rousseau et la Révolution française. Paris, 1909.

⁷ A. Meunier. Jean Jacques Rousseau révolutionnaire. Paris, [s. d.], p. 18.

жирондистов, не всех, но, по крайней мере, некоторых из них, наиболее заметных. Манон Ролан, этой «Жюли жирондизма», ее друга и теоретика партии Бюзо, лидера партии Пьера Бриссо. Якобинцы и жирондисты, выступавшие вначале как союзники против общего противника, вскоре стали врагами столь непримиримыми, что вражду их могла утолить только смерть. Но и жирондисты, предавшие революционному трибуналу, несмотря на депутатскую неприкосновенность, Жан Поля Марата, а затем убившие его кинжалом Шарлотты Корде, и якобинцы, отправившие на эшафот жирондистских депутатов, взвывали к памяти и брали защитником своих действий великого учителя — Жан Жака Руссо.

Наконец, и это, быть может, важнее всего, следует задуматься над тем, почему не только при жизни, но и долгие годы, десятилетия, даже столетия после смерти Руссо, имя его продолжало вызывать ожесточенные споры.

В 1781 г., вскоре после кончины писателя, когда на его могиле на Тюполином острове, в Эрменонвиле, было установлено каменное надгробие, двадцатилетний, еще никому не ведомый Фридрих Шиллер писал в потаенной тетради:

«Монумент, возникший злым укором
Нашим дням и Франции позором,
Гроб Руссо, склоняюсь пред тобой!»⁸

Поэт осуждал мир «палачей» и «рабов христовых», погубивших мудреца «за поры создать из них людей». И это понятно: Шиллер втягивался в водоворот страстей, еще кипевших у могилы Жан Жака.

Но когда в 1912 г. во Франции III Республики официально праздновалось 200-летие со дня рождения автора «Общественного договора», событие это вызвало неожиданно такой взрыв бешеноей ярости в стане реакции, предвидеть который было невозможно. Даже в палате депутатов один из самых знаменитых ее членов Морис Баррес, глава националистической партии, защищавший ее воинствующую программу (причем не столько речами, сколько романами, принесшими ему славу первого стилиста страны) публично отмежевался от чествования Руссо; он видел в нем родоначальника всех революционных брожений. Развязанная правыми силами открыто враждебная кампания против Руссо приняла в связи с его юбилеем самые разнуданные формы. Подогреваемая злобными пасквилями почти классических мэтров литературной критики, вроде Ипполита Тэна или Жюля Леметра, поддерживаемых всей прессой Больших бульваров, эта вражда к, казалось, уже забытому писателю XVIII в. прорвалась с угрожающей откровенностью. Официальное посещение президентом республики Фальтером Пантеона для воздания почестей останкам Руссо вызвало контрдемонстрацию реакционно-националистического сброва, готового переступить границы конституционной легальности. Современники были поражены тем, что 200 лет оказалось мало, чтобы погасить тлевшие под пеплом долгих десятилетий угли страстей вражды, оставшихся от листков бумаги, написанных когда-то гусиным пером славящей руки бедного «гражданина Женевы»...

В рамках журнального очерка не представляется возможным дать ответ на все вопросы, порождаемые глубоко противоречивым, порою парадоксальным творческим и жизненным путем Жан Жака Руссо. К ответам на некоторые из вопросов мы подойдем уже в этом очерке; на другие вопросы, быть может, удастся ответить лишь позже.

Но в какой бы последовательности и какие бы проблемы литературного наследия знаменитого писателя XVIII в. ни приходилось решать, их следует начинать с изучения истоков творчества Руссо — с его предыстории как писателя и мыслителя. Это значит, что для глубокого понимания зрелого Руссо — автора «Общественного договора» и «Новой Элоизы» надо прежде всего выяснить, понять, кем был молодой Руссо, какой путь он прошел, прежде чем никому не ведомый скиталец, выходец из Женевы, вошел в историю общественной мысли, историю мировой литературы под собственным именем. Решению этой задачи хотя бы в какой-то мере и посвящен настоящий очерк.

⁸ Ф. Шиллер. Собр. соч., т. I. М., 1955, стр. 111 (перевод Л. Мая).

Поздним летом 1742 г.⁹ в Париже, в гостинице «Сен-Кентен», что была на улице Кордье, поблизости от Сорбонны (ныне ни гостиницы, ни даже улицы не сохранилось), поселился молодой человек, приехавший накануне почтовым дилижансом из провинции. Багаж его был невелик; приезжий был беден и молод — два непременных свойства, присущих молодым людям, прибывавшим каждую осень в столицу, чтобы завоевать великий город. Впрочем, молодость его была, по представлениям XVIII столетия, уже на ущербе: ему минуло 29 лет; лучшая пора осталась позади. Но этот недостаток восполнялся иным — приятной внешностью, здоровым цветом лица, ровным, прочным загаром человека, проводящего много времени на природе, внимательным взглядом зорких, все замечающих глаз. Одет он был скромно, но все сидело на нем ладно и аккуратно. Чего же еще? Он был не хуже других молодых людей, стремившихся выбиться из засасывающей трясины нужды и неизвестности. К тому же в кармане у него было 15 луидоров — все, чем он владел на этой земле, а в небольшом сундучке лежали ноты с записями нескольких музыкальных произведений; среди бумаг — смелый проект полной перестройки всей системы музыкальных обозначений и, наконец, пять-шесть рекомендательных писем от вполне почтенных лиц из Лиона к столь же почтенным лицам в Париже.

При помощи этих писем Жан Жак Руссо приоткрыл двери в недоступные ему дома парижских знаменитостей. Господин де Боз, секретарь Академии надписей и хранитель королевской коллекции медалей, к которому он явился с письмом аббата де Мабли, принял его ласково, пригласил обедать и познакомил со своими друзьями. В их числе был господин де Реомюр, известный французский физик, член Академии наук, прославивший свое имя изобретением термометра, употребляемого и в наши дни.

Все складывалось удачно. Руссо дебютировал в гостиных парижских знатных особ как музыкант; ему легко устроили два урока композиции у состоятельных скучающих господ; это дало на время устойчивый заработок. Самоучка, он и сам был не силен в теории, но его ученики были еще менее подготовлены к изучаемому ими предмету, и авторитет педагога остался непоколебленным.

Реомюр ввел Руссо в Академию и дал ему возможность изложить перед ее специально созданной комиссией проект своей музыкальной реформы. В состав комиссии вошли известные учены: де Меран, Элло и де Фуши. Первый из них был физиком и геометром, второй — химиком, третий — астрономом. При всей своей учености в музыке они ничего не понимали. Руссо тоже не был на высоте задач, он и сам признавал, что из робости перед авторитетной ученою комиссией излагал свои взгляды сбивчиво¹⁰ и неясно¹⁰. Проект, казавшийся ему по молодости лет нестразимым, был на самом деле крайне сомнительным: Руссо предлагал заменить нотные знаки цифровыми обозначениями.

В XVIII столетии проектом смелого изобретения трудно было кого-либо удивить — в тот век все что-то изобретали и предлагали. Все же члены ученою комиссии обнаружили достаточно здравого смысла, чтобы отнестися к проекту критически. Обе стороны не слушали и не вникали в возражения. Прения сторон напоминали диалог глухого с немым. Дело кончилось тем, что Академия наук выдала соискателю изобретения удостоверение, по словам Руссо, «полное самых лестных комплиментов, среди которых можно было разобрать, что по существу она не признает мою систему ни новой, ни полезной»¹¹. Изобретатель не сдался. Не без хлопот и не без издержек он опубликовал свое сочинение под названием «Диссертация о современной музыке». Успеха она не имела. У Руссо в ту пору был еще так силен задор молодости, что сразу же, без пауз, несмотря на поражение, он сосредоточил всю свою волю, энергию и силы на овладении совершенно иным предметом — искусством шахматной игры. Он встречался многократно с Филидором и другими прославленными мастерами того времени, терпеливо и настойчиво

⁹ Руссо в «Исповеди» писал «1741 г.», но его письма и другие биографические материалы доказывают, что он ошибался: то был 1742 г.

¹⁰ Сноски здесь и дальше даются на издание: J. J. Rousseau. *Les Confessions* (далее — «Con.»). *Introduction par P. Van Tieghem*, t. I, II. Paris, 1956.

¹¹ «Correspondance Générale de J. J. Rousseau» (далее «Cor. Gén.»). *Collectionnée par T. Dufour*, t. I. Paris, 1924 p. 380—384.

расчитывал варианты, старался проникнуть в тайны теории шахмат. Он хотел достичь первенства в этом высоком искусстве, не жалея для того ни времени, ни усилий. Все оказалось напрасным: обеспечивать победу на доске в 64 клетки он так и не научился.

На Руссо снова надвигалась столь привычная с отроческих лет нищета. Ученики отпали; заработанные деньги истрачены. В карманах пусто. На какие средства жить? Что делать? На что надеяться? Ответа на эти вопросы Руссо не находил. Он снова почувствовал себя песчинкой в водовороте кишащего морского океана. На него словно нашло оцепенение...

Один из новых парижских друзей Руссо, человек в годах, иезуит отец Луи Берtrand Кастель, чудак и музыкант (создавший оригинальную теорию, согласно которой семь нот музыкальной гаммы будто бы соответствуют семи спектрам цвета), рекомендовал молодого дебютанта баронессе де Безанталь и ее дочери маркизе де Бройль. У Жан Жака не было выбора; он оттягивал сколь можно этот тяготивший его визит, но, наконец, отправился к знатным дамам. Его приняли ласково, к нему проявили внимание. Но когда приблизилось время обеда, на который Руссо любезно пригласили, он понял, что ему хотят отвести место в буфетной вместе с прислугой. Его гордость плебея была возмущена. Руссо не стал объясняться, но поднялся, чтобы откланяться, сославшись на неотложные дела. Дочь поняла допущенную ошибку; обе дамы настойчиво стали просить его отобедать с ними. В конце концов он согласился, но за столом, еще не успев оправиться от испытанного унижения, был молчалив, угрюм, ненаходчив. После обеда он все же на какое-то время смог привлечь к себе общее внимание и произвести выгодное впечатление: в кармане у него было написанное в Лионе стихотворение, которое он прочел вслух; читал он мастерски...

Кастель был прав. В Париже все решалось через женщин. Не надо было прилагать усилий, спорить, доказывать свою правоту — все оказалось гораздо проще. Красивый, застенчивый, немного неловкий молодой человек с первого же раза понравился обеим женщинам — и старшей, и молодой. Этого было вполне достаточно, чтобы через несколько дней о нем знал весь Париж. В этом приятном молодом человеке сразу же открыли множество талантов: было признано, что он превосходный поэт, вдохновенный музыкант, одаренный композитор, что он умен и много знает, что у него красивые глаза, что у него сильные руки... У него замечали только достоинства. Жан Жак Руссо стал модой Парижа 1742 г., он был теперь нарасхват. Его приглашали в лучшие дома столицы — к нему были ласковы и предупредительны; за ним ухаживали.

Вскоре Руссо стал частым гостем в салоне госпожи Дюпен. Эта молодая дама слыла одной из самых богатых женщин Парижа. Морганатическая дочь финансового наследника Людовика XV, крупнейшего богача Самюэля Бернара, Луиз Мари Мадлен Фонтен стала женой королевского советника и главного откупщика Клода Дюпена, приумножившего свое состояние, объединив его с приданым жены. Имя Дюпенов было известно не только в Париже. Однако влияние госпожи Дюпен зависело не от ее богатства. Руссо писал в «Исповеди», что она одна из самых красивых женщин Франции. Красота и богатство ее сочетались с большой начитанностью и природным умом. Она была на пять лет старше Руссо, и ее возраст и общественное превосходство над скромным провинциальным музыкантом позволили ей усвоить по отношению к своему гостю ласково-покровительственный тон. Жан Жак был пленен очарованием госпожи Дюпен; отныне все его чувства и мысли были обращены к ней. Не решившись сам высказать волновавшие его чувства (что было непросто, госпожа Дюпен как королева появлялась окруженная свитой своих поклонников), Жан Жак передал ей письмо с признанием в любви. Ответа не последовало; с Руссо стали разговаривать холодно и сухо и чуть было не отказали от дома.

Посещение салона госпожи Дюпен имело и другие последствия. За обеденным столом безвестный музыкант свел короткое знакомство со всеми знаменитостями века. Здесь вели непринужденные беседы, перемежая речь острыми, дерзкими шутками, будущий министр иностранных дел, молодой прелат Франсуа Иоахим де Пьер де Берни, пользовавшийся большим влиянием при дворе; знаменитый уже в ту пору, окруженный ореолом мировой славы Франсуа Мари Вольтер, престарелый аббат де Сен-Пьер, прославивший свое имя планом установления вечного мира (оставшимся, впрочем, и после сочинения плана столь же недостижимым, как и раньше); тогда еще молодой,

но уже завоевавший признание натуралист Жорж Луи Леклерк де Бюффон, будущий автор «Естественной истории»; известный философ и моралист, бессменный ученый секретарь Академии наук Бернар де Бовье де Фонтенель; дамы, перед которыми распахивались все двери парижских салонов: принцесса де Роган, графиня де Форкалькье, леди Хервей, госпожа де Мирнуа, госпожа де Бриньоль и многие другие.

Мог ли когда-либо раньше бездомный скиталя, бродивший по пыльным проселочным дорогам окраинных провинций, вчерашний терпеливый лакей господ де Версилис, мечтать, что вскоре он станет в гостиной великолепного особняка Дюпенов в Париже беседовать как равный с равными с самыми знаменитыми людьми Франции и Европы? Жан Жак до сих пор, со времен сиротского детства и бездомной молодости, привык смотреть на широкие, ярко освещенные зеркальные окна барских особняков издалека, с панели, с черного дна нишеты. И вот теперь он входил, спокойный, равнодушный, небрежно сбрасывая плащ на руки почтительно согнувшихся лакеев, в эти нарядные дома высшей знати королевства. Сердце его не билось быстрее; он не испытывал больше волнения; человек с зорким зрением, он быстро разглядел и постиг действие скрытых пружин в кажущемся столь заманчивым со стороны высшем свете. Жан Жаку постепенно становились яснее несложные мерила ценностей этого обманчивого общества: простая констатация «этот человек принят в доме госпожи Дюпен» оказывалась много весомее официальных рекомендаций высокопоставленных лиц при дворе короля.

Впрочем, в этом крутом изменении судьбы Руссо с конца 1742 г. в Париже следует разобраться внимательнее. Здесь нас подстерегает опасность превратного, упрощенно-ошибочного толкования стремительного успеха Руссо в парижских салонах 1742—1743 гг. Что это, лишь один из вариантов почти классического «пути наверх»? Традиционная карьера молодого человека из провинции, быстро поднимающегося по ступеням славы в греховном и всегда соблазнительном Париже? Здесь невольно напрашиваются параллели или сопоставления со знаменитыми литературными героями XIX столетия: Жюльеном Сорелем Стендalia, Растиньяком или Максимом дю Трай Бальзака.

Соблазн подобного рода сопоставлений или по меньшей мере истолкования успехов Руссо в Париже 1742—1743 гг. как одного из частных случаев этого традиционного пути восхождения вверх по ступеням социальной иерархии столь велик, что его не избежали даже некоторые серьезные исследователи творчества Руссо. Например, И. Е. Верцман в интересной книге о Руссо писал, что в Париже этому плебею приходилось подлаживаться к непривычной среде «прежде всего с целью продвинуться самому»¹². Еще более прямолинейно и резко — как увлечение «перспективой столичной карьеры» — определял приезд Руссо в Париж в 1742 г. К. А. Державин¹³.

С таким толкованием трудно согласиться. Вопрос, видимо, должен быть поставлен шире. Всякое сближение или сопоставление молодого Руссо с Растиньяком, или Максимом дю Трай, или иными героями «Человеческой комедии» Бальзака, олицетворяющими блестательную карьеру, было бы неверным по существу. И не только потому, что в XVIII в., в феодально-абсолютистской монархии Людовика XV, в силу многих социальных причин еще не созрели условия для рождения героев подобного типа. То, что образ Растиньяка был создан в эпоху всеяластия денег, было, конечно, не случайным. Но все же если время Растиньяков еще не пришло, то в реальной жизни Парижа XVIII столетия, в его хронике нравов было нетрудно найти немало откровенных охотников за славой, деньгами, чинами, орденами.

Но главное не в этом. Главное в том, что Руссо вообще не принадлежал к «людям карьеры». Он не искал легкого «пути наверх». Более того, он сознательно отвергал этот путь; он вообще не хотел — ни легким, ни иным способом — пробиваться на верхние этажи монархии Бурбонов, в общество избранных, располагавшихся у подножия королевского трона. Его, как уже отмечалось, не прельщали ни чины, ни богатство, ни роскошь, ни слава. Предваряя последующее, скажем еще определенное: молодой Руссо в парижских гостиных 40-х годов XVIII в. не предшественник знаменитых героев «Человеческой комедии» Бальзака — это их антипод, это — анти-Растиньяк.

¹² И. Е. Верцман. Жан Жак Руссо. М., 1958, стр. 22.

¹³ К. А. Державин. Руссо и руссоизм. — «История французской литературы», т. I. М., 1946, стр. 760.

Большинство исследователей творческого наследия Руссо (и здесь бы пришлось перечислять почти все известные имена — Луи Люкро, Даниеля Морне, Робера Дерате, В. П. Волгина, И. Е. Верцмана, Жана Старобинского и многих других), как правило, начинают его анализ с 1749 г., т. е. со времени создания трактата на предложенную Дижонской академией тему: «Способствовало ли развитие наук и искусств очищению нравов?»

Во многом такое решение было подсказано самим Жан Жаком Руссо. В письме к Мальзербу от 12 января 1762 г., а затем в «Исповеди» он ярко и впечатляюще рассказал, как однажды, в жаркий июльский день, на долгом пути в Венсенский замок, где хотел навестить заключенного там Дидро, он, отдохнув, прочел в «Mercure de France» сообщение о конкурсе на указанную тему, объявленном Дижонской академией. Сразу же, внезапно, он испытал как бы мгновенное озарение; его «ослепили потоки света, рой ярких мыслей», хлынувших на него; он был потрясен и испытывал необъяснимое волнение; «с поражающей ясностью перед ним предстали все противоречия общественной системы»¹⁴. Ромен Роллан позднее придал этому рассказу еще большую драматическую убедительность: «И вдруг, совершенно неожиданно, гений сверкнул словно молния, сбил его с ног, как апостола Павла, озарил и вложил ему в руку раскаленный меч — его перо»¹⁵.

Разумеется, такое мгновенное озарение без предварительных размышлений, без предшествующей долгой работы мысли было бы невозможно. Далее, должны быть приняты во внимание и более ранние произведения, вышедшие из-под пера Руссо; конечно, не философско-политические трактаты; их действительно не было (они появились после 1749 г.), а его поэтические опыты — стихотворения, «Послания» в стихах, датируемые 1739—1742 и более поздними годами. Они очень важны для понимания его идейного формирования и, в частности, с неопровергимостью доказывают, что основные идеально-политические взгляды Руссо сложились в главном уже в 1740—1743 гг., прежде всего под влиянием жизненного опыта; все последующее было продолжением, развитием.

И, наконец, последнее замечание в этой связи. Исследователи чаще всего как бы расчленяют обширное литературное наследие знаменитого писателя, разделяют его на составные элементы: Руссо как социальный мыслитель, Руссо как революционер, Руссо как ботаник, педагогические идеи Руссо, экономические взгляды, эгалитаризм Руссо, рационализм Руссо, романтизм Руссо и т. д. Спору нет, и этот метод исследований нужен и полезен. Но он отнюдь не отменяет и не заменяет синтетического воссоздания образа Руссо в целом, равно как и необходимости проследить его жизненный путь, его идейную эволюцию во всей их сложности и противоречивости. Странная судьба гениального однокого мечтателя, отвергнувшего славу, деньги, почет, шедшие к нему без всяких усилий, и рассорившегося со своими современниками ради счастья будущих поколений, может быть понята, лишь будучи прочитана как роман, страница за страницей. А потому возвращаемся к прерванному рассказу.

Примерно за полгода до приезда в Париж, в «Послании к Борду», написанном в Лионе в том же 1741 г., Руссо провозглашал:

«Но я республики приверженец упорный,
Не гнувший головы пред кликою придворной,
Перенимать устав парижский не хочу,
Ни льстить, ни кланяться не стану богачу»¹⁶

В этих четырех строках сформулирована целая программа. Она примечательна прежде всего тем, что Руссо объявляет себя не только открытым противником придворной клики (что в ту пору уже начавшегося упадка престижа королевской власти не было столь редким), но и врагом богачей. «Устав парижский» — это устав господства

¹⁴ «Cor. Gén.», т. 3; «Con.», т. I, р. 41—42.

¹⁵ Р. Р о л л а н . Собр. соч., т. 13. М., 1958, стр. 609.

¹⁶ Ж. Ж. Р у с с о . Указ. соч., т. I, стр. 311 (перевод В. В. Левика).

богачей, и именно потому его не приемлет поэт. Этот мотив, вернее эта тема, настойчиво повторяется в его стихотворных посланиях того времени. Молодой Руссо одним из немногих, чтобы не сказать единственным, среди французских литераторов первой половины XVIII столетия с поднятым забралом смело вступал в бой с могущественными обладателями богатства.

«Богач презреньем платит мне,
Но с ним взаимностью сквитались мы вполне».

В том же «Послании к Борду» Руссо показывает всю глубину, непреодолимость пропасти, разделяющей тех, «кто в добродетели воспитан иищетой», от «подлых Крезов», кадить которым он не хочет.

Сходные с этим мотивы развиваются и в пространном «Послании к Парижу» того же 1741 г.:

«Презреть душой вельмож решился б я едва ли
Когда б достоинством вельможи обладали».

Или:

«Ужель ханжоу стать и только ради хлеба,
И места теплого кадить во славу неба?»¹⁷

Непредвзятый, свободный от давления общепринятых мнений анализа раннего литературного творчества Руссо приводит к выводу, что еще в допарижский период у него в основном уже сложились устойчивые общественно-политические взгляды. Конечно, то не была строго продуманная и научно обоснованная система идеальных воззрений. Все это еще впереди. Но Жан Жак уже ясно представлял, где проходила в обществе линия водораздела: по одну сторону был необозримый мир труда и нужды, мир бедных — крестьян, ремесленников, простых людей, мир добродетели; по другую сторону — раззолоченное, нарядное царство знатных и богатых господ, царство зла, обмана и насилия. Между этими двумя мирами шла постоянная, ни на миг не затухающая борьба. Молодой поэт и музыкант душою, сердцем, помыслами, всем существом своим был вместе с народом, неразрывною частью которого он сам себя всегда ощущал.

4

В ту пору он не был еще ни литератором, ни философом — не только в глазах парижского светского или интеллигентского общества, но и в собственных. Сам он в ту пору, как явствует из его писем и поздней автобиографии, и не помышлял о писательском труде, тем более о писательской славе. В начале 40-х годов Жан Жак Руссо как литературное имя не существовало. Самое большее, что можно было о нем сказать — то был не лишенный способностей музыкант: он сочинил несколько весьма приятных музыкальных пьес, две оперы, которые никто не хотел принимать к постановке, слыл искусственным музыкальным педагогом и даже, в какой-то мере, знатоком теории музыки. Правда, предложенный им проект реформы музыкальных нот пользовался двусмысленной известностью; композитор Рамо — самый крупный музыкальный авторитет того времени — без особых усилий доказал его несостоятельность. Впрочем, общественное мнение в эти тонкости споров и теории музыки не вникало. Молодой женевец прослыл способным, даже обещающим в будущем музыкантом.

Секрет успеха Руссо в интеллигентском высшем свете Парижа 40-х годов XVIII в. еще ждет своего объяснения. Но без краткого, прочерченного хотя бы общими, приблизительными штрихами абриса жизненного пути Жан Жака Руссо и предшествовавших этапов его биографии трудно понять его последующую судьбу.

Принято считать (так полагают исследователи жизни и творчества великого писателя), что Руссо прожил трагическую жизнь. Это так и не так. Напомним известные факты его биографии: Жан Жак Руссо родился 28 июня 1712 г. в Женеве «от гражданина Исаака Руссо и гражданки Сюзанны Бернар» — написано в «Исповеди». Родители

¹⁷ Там же, стр. 315, 318 (перевод А. С. Голембы).

по отцовской и материнской линии были французы, их родной язык был французский, и Жан Жак так же считал себя французом. Но он никогда не забывал, что родился как свободный гражданин Женевы и формально принадлежавшее ему звание «гражданин Женевской республики» ставил неизмеримо выше унизительного, по его представлениям, положения подданного французского короля. Жан Жак всю жизнь идеализировал Женеву: эта патриархально-консервативная патрицианская республика отнюдь не была в действительности оазисом свободы и равноправия в пустыне феодальной тирании, какой она рисовалась в воображении Руссо. Отрезвляющие суровые уроки, которые он позже не раз получал от своих сограждан, так и не смогли полностью излечить его от иллюзий.

Жан Жак с полным правом мог именовать себя сыном народа. Он вышел из народных низов — род Руссо имел давнюю генеалогию: здесь помнили крестьян, дубильщиков кожи, часовщиков, суконщиков. Отец был часовых дел мастером, а в мире ремесленников Женевы это считалось одной из наиболее квалифицированных и оплачиваемых профессий; семья могла жить на его заработки скромно, но безбедно.

✓ Жан Жак рос сиротой и никогда не знал своей матери: она умерла вскоре после его рождения. Отец вначале был очень привязан к ребенку. Человек, по-видимому, незаурядный, способный, начитанный, с широким кругом интересов, он был убежденным республиканцем и с ранних лет внушал сыну дух республиканского стоицизма и чувство гордости республикой, в которой им посчастливилось родиться и жить. Но республиканские добродетели странным образом сочетались у Руссо-старшего со склонностью к приключениям. Разные увлечения заставили его передоверить воспитание сына тетке Сюзон, а затем дяде Бернару. Когда Жан Жаку лишь исполнилось 10 лет, у отца возник конфликт с одним из офицеров (пеким капитаном Готье), принявший весьма острый характер. Новейшие исследователи склонны с должным основанием считать, что столкновение это произошло на политической почве¹⁸. Как бы там ни было, Руссо-старшему, видимо, грозило тюремное заключение, и он счел благоразумным оставить Женеву. Позже Исаак Руссо вступил во второй брак; дороги отца и сына расходились все дальше.

✓ Жан Жак был всецело предоставлен самому себе, но это отчасти пошло ему на пользу — в доме имелась большая библиотека: романы, поэзия, исторические сочинения. В «Исповеди» Руссо перечисляет некоторые из прочитанных им в ту пору книг. То были авторы весьма различные по своим идейным устремлениям. В одном ряду у Руссо стоят писатели столь консервативные, как Боссюэ, непримиримый защитник абсолютизма и воинствующего католицизма, или в какой-то мере близкий к нему Лессюер, и тут же — литераторы, шедшие впереди века: Лабрюйер, Фонтенель, Мольер. Рядом с этими именами античные авторы: Плутарх, Овидий¹⁹. В том раннем возрасте Жан Жак (и это было естественно) еще не мог полностью разобраться в прочитанном. Правда, он писал, что его любимым писателем стал Плутарх. Но, надо полагать, важнее всего было то, что маленький Жан Жак пристрастился к чтению, он поглощал книгу за книгой, без системы, как придется...

Жан Жака жалели; его ближайшие родственники, соседи, все знали, что мальчик сирота, и старались сказать ему ласковое слово. Позже в «Исповеди» Руссо вспоминал свое сиротское детство с нежностью, с умилением: с расстояния в полутора столетия оно представлялось ему самой счастливой порой его жизни. Как много надо было потом испытать, чтобы даже детство в людях, без материнского тепла, могло показаться счастливым временем!

Но эта розовая пора начала жизни длилась недолго. Сначала у маленького Жан Жака произошел бурный конфликт с дядей Бернаром, которого он раньше любил. Мальчика обвинили, по ошибке, в том, чего он не совершал. Он проявил твердость духа и отказался просить прощения. Когда Жан Жаку минуло 13 лет, его отдали сначала учеником к клерку, а затем, ввиду полной неспособности к конторскому труду, учеником в мастерскую гравера Дюкоммена. То был грубый, недобрый, распущенный человек. Тяжелая рука хозяина не скучилась на подзатыльники. Началась первая

¹⁸ М. Лоне. Политическое воспитание ребенка из народа: сын часовых дел мастера. Статья в советско-французском сборнике «Век просвещения». Москва — Париж, 1970.

¹⁹ «Con.», t. I, p. 29.

трудовая школа жизни. Жан Жак не смирился; его нельзя было ни запугать, ни сделять послушным. Но скоро он понял: плетью обуха не перешибешь, с этим ненавистным хозяином надо бороться по-иному: лгать, хитрить, вести против него скрытую, тайную, непримиримую войну, о которой Руссо рассказывает в своей «Исповеди». Так в 13-летнем подростке-ученике пробудился дух мятежа, дух борьбы.

Уже в отроческом возрасте в характере Жан Жака обнаружилась склонность к неожиданным, смелым решениям. Однажды в марте 1728 г., возвращаясь в поздний час с воскресной прогулки, он увидел городские ворота наглухо запертыми. Почти без колебаний, без раздумий Руссо принял решение, показавшееся ему спасительным: покинуть навсегда опостылевшую мастерскую Дюкоммена, этот маленький, тусклый враждебный мир угнетения и насилия. Руссо было в ту пору без малого 16 лет. И вот начинается свободная, полная опасностей, риска, неизвестности новая жизнь, начиняются годы скитаний...

Путь от Женевы до Аннесси — столицы Верхней Савойи, входившей в те годы в Сардинское королевство, был сравнительно не так уж долог. Затем Жан Жак идет пешком из Аннесси в Турин; позже — также пешком — возвращается из Турина в Аннесси; в 1730—1731 гг. совершают долгое путешествие по Швейцарии — из Женевы в Лозанну, затем Невшатель, Берн, Солер. Из Швейцарии он решается идти пешком в Париж, где в 1731 г. остается сравнительно недолго. И снова в путь! Из Парижа — в Лион; из Лиона — снова неторопливым шагом странствующего пешехода — в Савою, в Шамбери. Не из окна кареты или почтового дилижанса познавал Руссо современный ему мир, жизнь своего времени. Он видел их на самом близком расстоянии, рядом, вплотную...

В этих ранних скитаниях, когда каждый вечер ему приходится стучать в оконшко крестьянского дома с просьбой о ночлеге, Руссо постигает высокое искусство убеждения. Ведь для того, чтобы незнакомого странника приютили на ночь да еще накормили, надо вспышить людям доверие, расположить их к себе, завоевать, пусть на нескользко часов, их симпатии. Биографы Руссо, исследователи его литературного наследия почти все единодушно сходятся на признании его удивительного дара красноречия, «искусства элоквенции», как говорили у нас в XVIII и начале XIX в. Эту несомненную способность Руссо располагать в свою пользу людей, уменье убеждать их можно обозначить различными определениями. Многие считают, что Руссо был наделен от природы талантом проповедника или литературным талантом, осознанным им самим много позднее. Конечно, таким вещам не учатся; Руссо подстегивала каждодневная жизненная необходимость. И юный Жан Жак в совершенстве постиг это искусство. Возможно, в литературном наследстве знаменитого писателя эти никогда никем не записанные диалоги, эти продиктованные жизненной необходимостью импровизации и были самым ценным или, во всяком случае, самым интересным памятником словесного творчества.

Эта первая школа — школа странствий, длившаяся почти десятилетие, — многое определила во всей последующей судьбе Руссо. Он изучал окружающий мир, познавал жизнь не из книг, не из отвлеченных рассуждений писателей, которых так много читал до и после скитаний. Школа странствий учила юного Руссо самой важной и трудно постижимой науке — науке жизни. У Руссо был зоркий взгляд и тонкий, все запоминающий слух. Когда Жан Жак, оставив позади земли Женевской республики, миновав владения Сардинского государства, вступил затем в пределы французского королевства, он увидел, что подданные Людовика XV жили еще беднее, еще хуже, чем население его родной республики. Низкие, крытые соломой, как бы вросшие в землю крестьянские хижины, измученные, всего боящиеся крестьяне, скучный, отшавший скот, чахлые посевы. Какая бедная, убогая страна! Конечно, рядом с этими жалкими крестьянскими лачугами, с этими полуразвалившимися хибинами он видел и великолепные, роскошные дворцы, замки знатных вельмож... Эта высшая феодальная каста привилегированных сословий в сознании народа была главным злом; от нее исходили все бедствия, все несчастья.

Некоторые из исследователей, ставя вопрос о генезисе системы взглядов автора «Общественного договора», ищут их истоки в тех или иных литературных влияниях. Робер Дерате, один из лучших знатоков наследия Руссо, считал, что наибольшее влияние на формирование его общественных взглядов имели Пуффендорф, Гроций и др.

Фикерт полагал, что наибольшее влияние на Руссо оказал Монтескье²⁰. Имеются прямые признания самого Руссо, что он читал всех перечисленных авторов. Может быть, прочитанные книги какое-то впечатление на него и произвели (такое предположение вполне допустимо), однако остается несомненным, что основным, главным источником, питавшим систему идей Руссо, его общественно-политические воззрения были, раньше всего и прежде всего, сама жизнь, окружавший его мир сословного, феодального неравенства, крестьянской нужды, народных бедствий и народных страданий.

Если маленький замкнутый мир прихода Этрепиши оказался достаточным, чтобы внуздить кюре Жану Мелье матежные мысли, систематизированные им позже в ставшем посмертно знаменитом «Завещании»²¹, можно ли сомневаться в том, что столь богатые, разнообразные впечатления, жадно впитываемые юным Руссо во время его бесконечных скитаний по дорогам Франции, должны были оставить неизгладимый след в восприятии мира, в миропонимании будущего автора трактата о происхождении неравенства!

Однажды Руссо воспользовался гостеприимством почтенного, немолодого аббата де Понвера, который, заботясь о «спасении души» молодого человека, приложил немало стараний к тому, чтобы обратить юного гостя в католическую веру. В ту пору Жан Жак, кальвинист и потомок гугенотов, относился к вопросам религии с полным равнодушием, а потому без длительных споров дал уговорить себя перейти в католицизм.

✓ Так судьба свела юного Жана Жака с женщиной, сыгравшей значительную роль в его жизни. Речь идет о госпоже де Варанс. Именно на эту просвещенную даму, проживавшую в Аннеси пенсионеркой Сардинского короля и пользовавшуюся особым покровительством римского папы, и возложил аббат де Понвер «богоугодную» миссию.

✓ Руссо ожидал увидеть старую строгую набожную настоятельницу монастыря; перед ним предстала молодая красивая светская дама, превосходно образованная, начитанная, склонная к вольнодумию. Она приняла юного странника с живым участием, почти материнской заботой, накормила, напоила, одела его; дала ему возможность хорошо отдохнуть после долгих скитаний. За это время они подружились. Не знавший матери, лишенный постоянной женской заботы, Жан Жак, тронутый ласковым вниманием, которого он никогда в жизни не испытывал, вскоре стал называть ее «маменька» — она и вправду в ту пору заменила ему мать. Потом госпожа де Варанс, выполняя волю аббата, направила Жана Жака с письмом в Турин, в монастырь, где ему надлежало, пройдя все положенные испытания, быть принятим в лоно католической церкви.

Жан Жак послушно выполнял все предписанное ему. Он совершил путешествие в Турин и прошел там долгую и сложную подготовку к этому акту. Наконец, в положенный срок церемония совершилась. Жан Жак Руссо стал католиком. Обращение в в «истинную веру» не только не принесло ему обещанного благостного состояния, но и оставило вполне равнодушным. Более того, приглядываясь внимательно к окружавшим его католическим церковникам, он с каждым днем все более укреплялся в чувстве неприязни, недоверия, которые пробуждали у него священнослужители, дела которых мало соответствовали их благочестивым словам²².

Жан Жак не пожелал разыгрывать роль законопослушного святоши. При первом же удобном случае он удрал из этого опротивевшего ему замкнутого церковного мирка. В чужом, незнакомом ему итальянском городе найти источник существования было не легко. Он перепробовал ряд профессий: служил лакеем у графини де Версиллис, затем был чем-то вроде секретаря у аббата Гувона. Все эти случайные занятия не давали удовлетворения ни уму, ни сердцу.

И вот однажды Жан Жак Руссо снова взял посох в руки и, не торопясь, запагал от ворот Туринса на север, в Аннеси, где его — он был в том уверен — ожидало доброе, материнское внимание госпожи де Варанс.

Окончание следует

²⁰ R. Derathé. Jean Jacques Rousseau et la science politique de son temps. Paris, 1970.

²¹ Б. Ф. Поршинев. Жан Мелье и народные источники его мировоззрения. М., 1955; его же. Мелье. М., 196..

²² В обширной литературе, посвященной Руссо, его отношению к кальвинистской и католической церкви уделялось преувеличенно большое внимание. См. например, L. C o r d i e r. Jean Jacques Rousseau und der Calvinismus. Langesalza, 1915; J. P. G a b e r d. Calvin et Rousseau. Genève, 1878; A. G r i m s l e y. Rousseau and the Religious Quest. Oxford, 1968, и др.